

УДК 165

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-27-35

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ОБ ЭВОЛЮЦИОННО-БИОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ПОЗНАНИЯ

Данакари Лилия Ричарди

Международный славянский институт (Волгоградский филиал)

Статья посвящена влиянию биологической теории эволюции на современную эпистемологию и обратному процессу — влиянию естествознания, в частности биологических явлений, на когнитивные процессы, что открывает реальные возможности для объяснения многих познавательных явлений. По мнению автора, эволюционная эпистемология, опираясь на новые результаты теории эволюции, открывает новые перспективы исследования когнитивного аппарата человека. В современных условиях познавательные способности человека следует рассматривать не только как однозначный, линейный процесс развития рациональных и культурных способностей человека, но и как результат продолжающейся природной и биологической эволюции индивида, что позволяет сделать новые познавательные и теоретические выводы и вывести отдельные следствия. Основываясь на достижениях естествознания, эволюционная эпистемология использует идеи и механизмы биологической эволюции для раскрытия и рациональных, и актуальных на сегодня иррациональных способностей человека.

Не секрет, что эволюционная теория познания, наряду со своими дескриптивными и объяснительными элементами, содержит определенные экспликативные и нормативные элементы, которые выделяют ее как некую метанаучную дисциплину. В результате эволюционная эпистемология становится и «биологией познания», и «биологией когнитивных процессов». Несмотря на наличие многообразных факторов эволюции, влияющих на развитие познавательного процесса, в том числе и разных его видов, автор предостерегает от преувеличения роли и места биологической теории эволюции на когнитивные способности человека.

Ключевые слова: эволюционная эпистемология, биология познания, эволюционно-биологические теории, естественный отбор, истина, познавательный аппарат.

EVOLUTIONARY EPISTEMOLOGY OF EVOLUTIONARY-BIOLOGICAL PRECONDITIONS KNOWLEDGE

Liliya R. Danakari

International Slavonic Institute (Volgograd branch)

The article is devoted to the biological theory of evolution influence on modern epistemology and to the reverse process of the natural science influence biological phenomena in particular on the cognitive processes. It opens up real possibilities to explain many cognitive phenomena. According to the author evolutionary epistemology based on the new results in the theory of evolution opens up new prospects to study human cognitive apparatus. In modern conditions human cognitive abilities should be considered not only as a simple, linear process of rational and cultural human abilities development but also as a result of the ongoing natural and biological evolution of the individual which allows to make new cognitive and theoretical conclusions and individual investigations. Basing on the natural science achievements evolutionary epistemology uses ideas and mechanisms of biological evolution to disclose both rational and relevant irrational abilities.

It is not a secret that the cognitive evolutionary theory, together with its descriptive and explanatory elements contains certain explicative and normative elements that distinguish it as a kind of metascientific discipline. As a result the evolutionary epistemology becomes both a «biology of cognition» and «biology of cognitive processes». Despite the existence of multiple evolutionary factors which affect the development of the cognitive process, including its various kinds, the author warns against exaggerating of the role and place of the biological evolution on human cognitive abilities.

Keywords: evolutionary epistemology, biology of cognition, evolutionary-biological theory, natural selection, the truth, the cognitive apparatus.

Эволюционная теория познания — это молодая дисциплина, которая связывает друг с другом философские и специальные научные элементы. Проблемы эволюционной теории познания начали обсуждаться лишь в настоящее время. Эволюционная эпистемология исходит из тезиса, что познание является функцией мозга и как таковое одновременно является биологической эволюцией. Она опирается при этом на данные психологии восприятия, психологии развития и обучения, нейрофизиологии, сравнительного исследования поведения, генетики, но прежде всего теории эволюции в ее современной признанной форме.

Эволюционная эпистемология проводит сравнение эволюции науки и культуры с эволюцией биологических видов. «Можно ли сравнивать эволюцию науки с биологической эволюцией? Существуют ли, например, “мутации” и “отбор” при разработке научных гипотез и теорий? Каким образом ложные гипотезы заменяются другими гипотезами? Эти вопросы пока остаются открытыми» [5]. Немецкий философ Г. Фоллмер показывает, что эволюционная эпистемология выходит за пределы эволюционно-биологической теории, биологии познания.

Один из наиболее важных мыслителей по философии эволюционизма Д. Кэмпбелл предлагает модель «слепые вариации — селективное удержание», которая была развита им по аналогии с дарвиновской моделью эволюции. В основе последней лежит некий случайностный механизм роста разнообразия на уровне особей в популяции, а на базисе этой «работы случайностей» действует механизм естественного отбора, обеспечивающий прогресс в эволюции живых организмов. Этот механизм работает, по мнению Кэмпбелла, и в мире живой природы, и в мире человеческой культуры, и в мире социальных организаций.

Австрийский биолог и видный представитель эволюционной эпистемологии Р. Ридль говорит, что существует изоморфизм между возникновением и пониманием процесса возникновения вещи и аппарата ее познания [4]. Через эволюционную эпистемологию, как и через синергетику, преодолевается раскол мира на природный и духовный, а также прокладываются мосты между естественными и гуманитарными сферами знания. По словам Ридля, может быть положен конец распаду культуры, науки, мышления на восточные и западные, расщеплению картины мира на материалистическую и идеалистическую, на рационализм и эмпиризм, противопоставлению тела и души, каузальности и финальности. С одной стороны, и в естественных науках, а не только в истории, появляются нарративность, описательность, рассказ

как методы исследования (например, вследствие детерминированного хаоса, странных аттракторов). А с другой — и в гуманитарных науках, в культуре, в социуме обнаруживаются процессы самоорганизации, паттерны которых универсальны, определяются природой сложного вообще.

Ученый-естествоиспытатель Ламарк утверждает, что все виды изменяются и что существует неизбежный прогресс при переходе от низших форм к более высоко организованным [2]. Далее эти взгляды с более глубоким видением механизмов биологической эволюции развивает Ч. Дарвин. Наблюдения показывают, что существует разнообразие видов и уникальность отдельной особи. Наблюдения показывают также, что существует тенденция живых организмов к их геометрической репродукции, т.е. к производству большего количества отпрысков, чем в действительности выживают. Отсюда делаются следующие заключения. Возникает борьба за существование, в результате которой выживают наиболее приспособленные, другие организмы элиминируются естественным отбором. Естественный отбор обуславливает трансформацию видов. Он является движущей силой, мотором органической эволюции.

В дарвиновской теории отсутствует популяционно-генетическое основание, которое служит пониманию эволюционной динамики. Американский биолог Э. Майр был главным защитником синтетической теории эволюции. Он рассматривал организацию индивидуальных живых существ (особей) в популяции и изучал основные закономерности эволюции на уровне популяций. Популяции или виды как целое сами являются своего рода «индивидуумами», отдельными целостностями, претерпевающими эволюцию. Э. Майр и другие защитники синтетической эволюции рассматривают мутации, генетическую рекомбинацию и отбор как существенные факторы эволюционного изменения.

Эволюционная эпистемология — это не закрытая теория, а скорее исследовательская программа, она больше направлена в будущее, чем констатирует свои достижения. В теоретико-познавательном плане она способна к развитию как теория, в которой может быть построена полная система категорий человеческого опыта, подкрепленных посредством фактов и эмпирически проверяемых гипотез об эволюции когнитивных способностей человека.

Наряду с теоретико-познавательными следствиями положения эволюционной эпистемологии применимы в эволюционной психологии, в эволюционной этике, в эволюционной эстетике, в эволюционной педагогике и дидактике. Подобно тому как эволюционная эпистемология философски развивает «биологию познания» в виде некой натуралистически фундиро-

ванной теории познания, эволюционной этике предстоит развить социобиологию (биологию социального поведения животных и человека) в виде некоторой философской дисциплины и определить, насколько этика может обрести натуралистические основания. Тогда как предмет эволюционной эпистемологии — наши когнитивные способности, то, «что мы можем знать», предмет эволюционной этики — наше социальное поведение, то, «что мы должны делать». Речь идет о морально-философских следствиях эволюционного процесса происхождения образцов нашего социального поведения. Возможно построение и эволюционной эстетики. Ее основа — это некая «биология искусства», поскольку то, что имеет значение для когнитивных структур и социального поведения, справедливо и для эволюции эстетических суждений. Мыслимо построение и эволюционной педагогики, которая бы обучала ребенка не как *tabula rasa*, а способствовала бы его естественному развитию и обучению, учитывала бы врожденные когнитивные структуры, возможности их корректировки в процессе обучения и дополнения другими структурами. Эволюционная дидактика может быть связана с целенаправленным устранением мезокосмических предрасудков человека.

Все эти установки находят подтверждение и развитие в современных исследованиях. Последние направлены на то, чтобы показать, что человек во всем — и в возможностях своего познания, и в своих этических суждениях и эстетических предпочтениях — теряет свою исключительность. Натуралистическая волна, подпитываемая современными предпочтениями к проведению трансдисциплинарных и кросс-дисциплинарных исследований, накрывает современную эпистемологию. Дихотомии природы и культуры, тела и ума, человека и познаваемой им среды разрушаются. В этом плане хотелось бы обратить внимание на недавнее исследование французского философа Ж.-М. Шеффера, который отмечает, что «то, что человек — существо социальное, не только не противоречит его биологической специфике, но и, напротив, является ее выражением» [6, с. 13].

Когнитивная биология олицетворяет сближение когнитивных наук и наук о жизни. Теоретическая биология в ее современном научном контексте представляет собой всеобъемлющую, кросс-дисциплинарную интеграцию понятий. Она включает в себя исследование генетических компонентов изменений, эволюции и развития, т. е. исследование взаимосвязи между эволюцией и развитием, между филогенезом и онтогенезом. Теоретическая биология включает в себя все современные теоретические подходы — вычислительную (компьютеристическую) биологию, биосемиотику, когнитивные ис-

следования, натуралистические сдвиги в философии науки и эпистемологии.

Новые теоретические вопросы в науках о жизни включают в себя изучение происхождения и организации форм биологических организмов, исследование взаимосвязи между эволюцией и развитием, филогенезом, а также анализ биологических основ познания и функционирования мозга. И в то же время когнитивная наука претерпевает ныне третью волну в своем развитии. Третья волна, набравшая силу в первое десятилетие XXI в., нацелена на соединение эволюционных аспектов и аспектов развития, ключевым словом в ней становится «изменение».

Когнитивная биология, воплощая соединение перспектив теоретической биологии и когнитивных наук, опирается на философию, психологию и физиологию в их историческом развитии начиная с Декарта и прослеживается в учениях Дарвина, У. Джемса и Н. Хомского. Теоретико-биологический подход применяется для понимания эволюции когнитивных способностей. Познание рассматривается не просто как построение репрезентаций внешнего мира, а исследуется, насколько работает вычислительная, компьютерная аналогия и как возможно определение эмерджентных свойств мозга–тела–сознания в его физическом и биосоциальном встраивании в окружающую среду. Важным продвижением стало развитие когнитивной нейронауки — области, в которой изучается биологическая основа познания, прежде всего нейронный субстрат ментальных процессов. Сейчас говорят о «нейроэтике», «нейроэстетике», «нейрополитике», «нейротеологии» и «нейрофилософии». С точки зрения эволюционных и нейронных основ исследуется понимание места, чисел, цвета, идентичности индивидов, их коммуникации с другими индивидами или особями, причинных событий в когнитивной жизни биологических организмов. Важнейшим открытием стало соединение ментальных феноменов и образов в виде умственных образов или визуального мышления. То, что было предвосхищено философом Беркли и Юмом, психологами В. Вундтом и У. Джемсом, сегодня активно изучается как важные функции мышления и памяти.

Когнитивная биология, таким образом, делает новые существенные шаги в исследовании динамического измерения эволюции и целостного рассмотрения сознания, мозга, тела и поведения в их структурной и синергической связке с окружающей средой.

Эволюционная теория познания не является какой-то всеобъемлющей теорией познания. Прежде чем она может быть сформулирована, должны быть прояснены некоторые предварительные вопросы. Нам требуются, во-первых, экспликации понятий «познание», «истина», «объективность» (познание

объясняется как адекватная реконструкция и идентификация внешних объектов; истина, следовательно, в смысле теории соответствия); во-вторых, теория о том, как возникает познание; в-третьих, теория об отношении реального мира и познающего субъекта; в-четвертых, предположения об отношении сознания и мозга; в-пятых, фактические знания о существовании, сфере действия, согласованности когнитивных систем и субъективных познавательных структур (изучаемых психологией, физиологией, нейробиологией, теорией эволюции, исследованиями поведения, лингвистикой и другими эмпирическими научными дисциплинами).

К предпосылкам эволюционной теории познания относится в особенности гипотетический реализм (который не отличается существенно от критического или научного реализма). Его основные предположения таковы: гипотетический характер всего познания действительности, существование независимого от сознания закономерно структурированного и взаимосвязанного мира, частичная познаваемость и объясняемость этого мира посредством восприятия, мышления и интерсубъективной науки.

В рамках намеченной в общих чертах проективной модели не только можно различать ряд ступеней познания, в ее рамках можно также разъяснить специальную задачу эволюционной теории познания. Прежде всего, она тематизирует познавательный аппарат, на который осуществляется проецирование и который пытается реконструировать реальные структуры, исходя из их проекций. Она объясняет свои успехи и свои неудачи (ошибочные результаты), широту сферы своего действия и свои ограниченности. При этом эволюционная теория познания ссылается в первую очередь на восприятие и опыт и только ограниченно на научное познание.

Поскольку познание понимается как функция мозга, эволюционная теория познания с самого начала ставит проблему тела и души с позиции теории тождества и защищает тем самым последовательный натуралистический подход. Правда, с некоторой дуалистической точки зрения можно также говорить и об «эволюции» явлений сознания. Но связь с биологической эволюцией была бы тогда, во всяком случае, связью некоторой случайной аналогии (отбор может воздействовать только на материальные системы); проблематичное приспособление (подгонка) посредством этого, пожалуй, не могло бы быть объяснено.

Естественно, можно дополнительно подключить к эволюционной теории познания весь подготавливающий контекст (реализм, модель, проекцию, теорию тождества) и назвать эту всеобъемлющую концепцию «эволюционной теорией познания». Однако этим ничего не достигается. Это могло бы, скорее

всего, ввести в заблуждение, ибо эволюция значима отнюдь не для всех фрагментов этих расширенных рамок.

Теория эволюции является неременной предпосылкой эволюционной теории познания, она даже дала ей название. Существование эволюционной эпистемологии зависит от общности происхождения большинства организмов на Земле, от филогенетической родственности человека с животными предками, прежде всего с приматами, от инвариантной репродукции организмических систем, от наследственности анатомических, физиологических, поведенческих и когнитивных признаков, от многообразия типов организмов благодаря мутациям, дифференцированной репродукции на основе различной пригодности, как правило, носящая обозначение «естественный отбор», от эволюции как процесса развертывания и приспособления. То, что помимо этого существуют еще и иные факторы эволюции, например, изоляция, занятие ниши, геновая рекомбинация, является для эволюционной теории познания хотя и значимым, но не решающим. Эволюционная теория познания была бы все же непрочна, если бы был ложен один из названных эволюционно-теоретических принципов.

Несмотря на эту сильную зависимость, было бы ошибочным рассматривать эволюционную теорию познания в качестве части эволюционной биологии. В то время как теория эволюции является чисто биологической и, таким образом, естественно-научной теорией, эволюционная теория познания наряду со своими дескриптивными и объяснительными элементами содержит также экспликативные и нормативные элементы, которые выделяют ее как некую метанаучную дисциплину. Стало быть, она явно выходит за пределы и «биологии познания» или «биологии когнитивных процессов».

С самого начала термин «эволюционная эпистемология» обозначает две различные исследовательские программы, мнения о связях и различиях между которыми различаются. С одной стороны, этот термин означает биологическую теорию, которая рассматривает когнитивные способности человека как продукт генетической органической эволюции. В качестве таковой эта теория является «сателлитом» биологической эволюционной теории, полностью зависимой от признания и достоверности последней. И все же она может рассматриваться как собственно эпистемология, поскольку не только проявляет интерес к генетическим характеристикам субъекта, но и подробно объясняет априорные условия знания, взятые как филогенетические *aposteriori*. Как показал Кэмпбелл, эту точку зрения разделяли многие философы и биологи, ее придерживался, конечно, и сам Дарвин. Ибо он предполагал, что все

животные обладают знанием без опыта и, возможно, также человек. Вот почему он убежден, что тот, кто понимает обезьян, сделал больше для философии, чем Локк. Именно исследование Лоренца по этологии дало систематичное основание этой точке зрения. С другой стороны, выражение «эволюционная эпистемология» означает всякие попытки описать и объяснить развитие науки, включая ее динамику, а в более узком смысле динамику развития теорий по структурной аналогии с биологической эволюцией. Основными приверженцами такой эволюционной эпистемологии, которую лучше следовало бы называть эволюционной теорией науки, являются С. Тулмин и К. Поппер.

Хотя эти две формы эволюционной эпистемологии возникли независимо друг от друга, они с самого момента своего появления имеют непосредственные связи друг с другом.

Таким образом, Поппер опирается на Лоренца, вводя метод «проб и устранения ошибок» в теорию науки. Он называет этот метод «биологией познания», проводя знаменитое сравнение между амебой и Эйнштейном: они оба подчиняются механизму, который предполагает программирование, базирующееся на филогенетически приобретенной информации. Это равнозначно признанию базисного соответствия когнитивного оснащения всех живых существ, от самых простейших до самых высокоорганизованных, в отношении их когнитивных способностей, причем эта позиция выходит далеко за пределы простой аналогии. Тулмин делает свое предположение независимо от Поппера и создает чисто метафорическую теорию эволюции науки, близкую к модели гомологического механизма жизни и познания. Он предполагает, что мы не должны перенимать базисный механизм мутации и отбора в неизменном виде и рассматривать его в качестве основного механизма познания, и подчеркивает существенное различие между этими двумя механизмами. Это различие заключается в том, что мутация и отбор обычно являются независимыми в генетической органической эволюции, тогда как в процессе эволюции научного знания они срастаются и оказываются все более и более связанными друг с другом.

Например, Э.М. Энгельс и Г. Фоллмер проводили различие между этими исследовательскими программами и даже резко разделяли их, так что предполагалось, что понятие «эволюционная эпистемология» должно использоваться исключительно для обозначения биологической эпистемологии, а более широкое поле исследований надо называть «эволюционной теорией науки». Точка зрения Эзера всегда заключалась в том, что название научного анализа человеческой когнитивной способности «эволюционной эпистемологией» уместно только в том слу-

чае, если результат может быть использован для самообоснования научной методологии. Эта позиция приводит к созданию двухъярусного понятия, в котором, по мнению Эзера, эволюционная эпистемология изучает филогенетические предпосылки человеческого познания, тогда как эволюционная эпистемология как метатеория оглядывается назад — на исторические и культурные результаты человеческих научных достижений, используя регрессивную структуру аргументации. Для обеих областей мы постулируем единый механизм (не просто аналогичный, а гомологичный), укорененный в одном общем источнике. Таково было и основное намерение и самого Лоренца, как мы видим сейчас, изучая его.

Мы можем это назвать «эпистемологической полнотой науки» по аналогии с «эпистемологической полнотой математики» в формализме Гильберта. Наука, таким образом, может развивать свои эпистемологические основания внутри себя, не принимая никаких внешних принципов из других областей. Если такая форма натурализованной эпистемологии, дедуцирующая априорные условия для возможного опыта из истории субъекта как биологического вида, все еще является философией, она является такой, которая может быть развита только в рамках естествознания. Для нее требуется один единственный «онтологический» догмат, настолько простой, что его едва ли можно отрицать. По словам Лоренца, философия должна рассматривать как реально существующее то, что пытается разглядеть наука. Вообще говоря, это означает признание эмпирически познаваемого реального мира как такового и то, что субъект — это не просто трансцендентальный конструкт (Кант) или граница мира (Витгенштейн), а конкретное физическое существо, которое является частью этого мира и которое само, стало быть, может быть исследовано с помощью научных процедур.

Здесь отрицается вовсе не то, что мы можем иметь философскую или чистую эпистемологию такого рода, какую стремился создать Кант, но только эпистемологический пуризм, который доходит до «отказа от знания», а именно от биологических результатов, которые не только релевантны для философской эпистемологии, но и работают в качестве критерия для принятия решений в беспорядочной массе философских, эпистемологических систем. Почему? Не потому, что настаивают на том, чтобы поставить научные прозрения и догадки до и сверх философии, а потому, что существует классический философский тезис, отрицающий двойную истину. Даже если мы предположим, что научное знание всегда является гипотетическим и подвержено пересмотру, оно выполняет свою роль как проверяющее

и поддерживающее различные и иногда взаимно противоречащие философские ориентации. То, что должно считаться «истинным» для науки, должно быть «истинным» также и для философии. Во всяком случае, это так для эпистемологии, которая дает основу для научной процедуры. Эта эпистемология должна — самореферентным образом — содержать результаты естествознания.

Мы должны признать, что эволюция есть эмпирический факт. Только если сам человек как представитель вида *Homo sapiens* со всеми его когнитивными способностями является результатом естественного процесса развития, мы можем обосновать «естественную науку человека», выходящую далеко за пределы простого осмотра телесной структуры и функции. Это влечет за собой понимание, что мы не можем одновременно признавать биологическую эволюцию и отвергать эволюционную эпистемологию в принципе. И наоборот, если бы была установлена ложность теории биологической эволюции, то эволюционная эпистемология тоже была бы фальсифицирована. Прежде чем мы сможем обосновать это пересечение областей науки, присущее всякой биологической теории познания, мы должны уяснить себе статус биологической теории эволюции внутри теории науки.

Теория эволюции представляет собой объяснение эмпирического факта. То, что живые существа эволюционировали и продолжают эволюционировать, — не предположение, а твердый и неопровержимый факт, продемонстрированный бесчисленными находками окаменелостей и многочисленными наблюдениями изменений существующих в настоящее время видов, и в случаях, поколения недолговечны, даже за пределами специфических границ. Вся практика разведения растений и животных, которая со времен неолита является материальным базисом цивилизации, просто является осуществляемой человеком внутривидовой и внутривидовой «микро-эволюцией». Подобным образом «макро-эволюция», изменения фауны и флоры на протяжении истории Земли привела к всеобъемлющим изменениям в филумах, классах и отрядах и является настолько бесспорной для палеонтологов, как и стадии развития индивидуальных организмов для эмбриологов. То, что животные связаны друг с другом, в большей или меньшей степени похожи друг на друга и что существуют исторические последовательности окаменелостей, — это уже не предположения, как во времена Дарвина, а — в свете современных достижений морфологии и палеонтологии — эмпирические факты, больше не подвергаемые сомнению ни одним серьезным экспертом.

Когда мы доходим до объяснительных утверждений эволюционной теории, дело усложняется.

Для этого требуется очень сложная теория, состоящая из нескольких частей, разработанных в значительной степени во взаимной изоляции (теория общих предков, теория изменений видов, теория причин изменений) и покрывающих в настоящее время несколько типов объяснений на различных уровнях анализа (от морфологии/анатомии до популяционной генетики и молекулярной биологии). Такая широко ранжированная теория, естественно, до сих пор скрывает внутри себя несовпадения и разногласия, касающиеся, например, единицы отбора (ген или индивидуальная особь) и путей протекания эволюции (непрерывно или пошагово). Ни одно из этих разногласий не считается препятствием для признания биологической эволюции вообще, так как для этой теории не существует научно обоснованной альтернативы. Провал попыток достижения недостижимых идеалов абсолютной определенности заставляет нас признать, что вопрос о научном статусе биологической эволюции решен: существуют бесчисленные отдельные открытия во всем пространстве биологического знания, и ни одно из этих открытий не противоречит факту биологической эволюции.

Чтобы добраться до эволюционной эпистемологии, мы должны, следовательно, продолжить свое движение через эволюционную этологию, сравнительное изучение поведения, которое предполагает, что поведение живых существ, в особенности их когнитивное поведение или механизмы, являются специфическими для вида знаками, подобие которых основывается на их родстве. Лоренц, основатель этой биологической дисциплины, настаивал на том, что сравнительная этология является не только психологией животных, хотя она имеет дело преимущественно с животными, но в принципе имеет человека в качестве предмета своего исследования. Без знания существ, живших на Земле до появления человека и продолжающих на ней свое существование, невозможно понять человека. Путь к его пониманию проходит через понимание животных, так же как и его восхождение, несомненно, происходило через них. Рассуждая логически, эволюционная эпистемология затем постулирует, что когнитивные способности животных могут быть поняты посредством анализа филогенетических связей с точки зрения сходства и несходства между существующими в настоящее время животными. Наше отличие от животных по когнитивным способностям объясняет и обосновывает нашу особую позицию, как подчеркивал Лоренц, хотя он был неправильно понят. Уникальная позиция человека с точки зрения его когнитивных способностей есть факт, базирующийся на палеонтологических находках через этологию, указывающий на изменение направления эволюции:

ибо не оптимизация сенсорной перцептивной системы обработки информации обусловила эволюцию гоминид, а возникновение лучшей центральной системы обработки информации.

Второе колесо эволюционной эпистемологии определяется специфической позицией Homo sapiens и поэтому позволяет научному методу себя обосновать. Ибо научное знание основывается на предположении о существовании самой определенной связи между внешним миром и тем способом, каким он является познающему субъекту, без чего всякое исследование было бы просто бессмысленно. Вот почему филогенетическая эпистемология вскоре была одобрена самыми различными учеными, такими как Планк и Гейзенберг, Райн и др.

Для этой видоспецифической и уникальной для человека способности преодоления врожденных когнитивных механизмов существуют научные нейробиологические основания, которые коренятся в онтогенетическом развитии человеческого мозга. Дело в том, что уникальным свойством человека является то, что для него онтогенез является причиной гораздо большего, чем филогенез. Врожденные когнитивные механизмы человека являются необходимыми для выживания, но недостаточными для научного познания. Их позднее невозможно найти в генетически обусловленных структурах и функциях человеческого мозга, во «врожденном основании» (Кант), но только в эпигенетических и самоорганизующихся процессах, базирующихся на внутренних принципах функционирования сложной центральной нервной системы человека, которая через свои периферические органы чувств вступает в контакт с внешним миром и посредством этого претерпевает индивидуальные изменения.

Связь познания и эволюции имеет много аспектов. Становится очевидным, что если принять эволюцию всерьез, то когнитивные феномены в животном и человеке должны рассматриваться как биофункции, которые были сформированы как и другие биофункции, например, такие как дыхание или пищеварение, в ходе эволюции посредством естественного отбора. Однако остаются пока непроясненными следующие вопросы: как работает естественный отбор, должны ли мы рассматривать механизмы, отличные от естественного отбора, происходит ли эволюция шаг за шагом, постепенно и должны ли мы объяснять структуры и функции живых систем просто как результаты их адаптации к среде. Таким образом, возникли — и продолжают существовать по сей день — различные теории эволюции живой природы. Неудивительно, следовательно, что мы имеем также различные теории эволюции познания, по крайней мере, различные взгляды на эволюцию познания. Лоренц утверждал, что

«эволюция есть процесс познания, потому что любое “приспособление” к определенным условиям внешнего мира означает, что органическая система получает некоторое количество “информации” об этих условиях» [3, с. 248].

Поэтому связи между эволюцией и познанием понимаются по-разному, в зависимости от тех парадигм, на которых основываются эволюционные исследования познания. Более того, различия могут быть найдены в том, в каких пределах допускаются эволюционные подходы к когнитивным явлениям. В то время как некоторые авторы сконцентрировали внимание на изучении эволюции восприятия, обучения и иных когнитивных способностей, равно присущих и животным и людям — и, стало быть, ограничили свои исследования биологией в узком смысле этого слова, — другие создали эволюционные модели систем человеческого знания и осмелились объяснить развитие науки в терминах эволюции, в частности, применяя парадигму естественного отбора. Здесь возникает вопрос, можно ли, вообще говоря, разделять эти исследовательские программы, ибо, если люди являются организмами, их способности познания — даже в их наиболее сложной форме (научного познания) — обусловлены органической эволюцией. Итак, проведение всего лишь аналогий между эволюцией научных идей и эволюцией живой природы недостаточно. Кто-то склонен считать, что инициатива рассматривать познание с эволюционной точки зрения «может продвигаться, только если принять биологическую эволюцию всерьез и признать человека в буквальном смысле слова животным... и как такового подверженным биологической эволюции в буквальном смысле слова» [8]. Это утверждение может вызвать критику как вульгарный редуционизм и потребует некоторых объяснений.

Познание может быть определено как итоговый результат процессов, посредством которых живые системы приобретают информацию. Эти процессы включают в себя восприятие, представление, память, воображением, мышление, язык и т.д., и обычно рассматриваются как процессы, делающие возможным решение проблем. Познание, стало быть, в той или иной мере является свойством всех животных. Конечно, не каждый вид животных демонстрирует наличие всех когнитивных способностей, начиная с одноклеточных организмов и кончая *homo sapiens*, или картину, нарисованную Поппером, «от амебы до Эйнштейна». Эйнштейн осознанно отдает отчет о своих ошибках, в то время как амеба не осознает свои ошибки, но она способна использовать метод проб и ошибок и собирать некоторую информацию о мире, который ее окружает. Несомненно, познание есть биологический феномен. По-

знание зависит от органов чувств — и на него накладываются ограничения органы чувств — (или, в случае одноклеточных организмов, от органелл), от нервных систем мозгов. То же самое справедливо и для человеческого познания (знания), на которое — даже в наиболее развитых, сложных его формах (сознание, язык, наука) — накладываются ограничения биологические факторы. Это ни в коей мере не означает, что мы должны отрицать или пренебрегать значением социальных и культурных факторов в развитии человеческого познания. Тем не менее, в первую очередь должны рассматриваться биологические основания (человеческого) познания. Это без труда выводит нас на эволюционные размышления.

Подводя итог, приходим к заключению, что познание может быть объяснено в эволюционных терминах. И человеческое знание не является при этом исключением.

Эпистемологи часто ссылаются на Канта и на его монументальный труд «Критику чистого разума», в котором категории знания, кажется, являются абсолютными и «человеческий интеллект... обладает определенными знаниями аргіогі» [1, с. 2]. С биологической и эволюционной точки зрения, однако, эти «знания аргіогі» не являются неизменными, а, как заявил Берталанфи, «изменяются с продвижением научного познания» и зависят «прежде всего, от биологических факторов» [7, р. 73].

В последние десятилетия эволюционная эпистемология сближается с компьютерной эпистемологией и когнитивной психологией. Она превращается в область междисциплинарных исследований, где все большее применение находят не только новейшие представления о биологической эволюции, нейроэволюции как эволюции нейронных систем мозга, но и модели переработки информации, доказавшие свою эффективность в когнитивной науке, в новых дисциплинах, возникших на стыке биологии и когнитивной науки, например, в компьютерной нейробиологии и вычислительной молекулярной биологии, в эволюционной кибернетике, нейроинформатике.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума. Минск: Литература, 1998. 959 с.
2. Ламарк Ж.Б. Философия зоологии. М.: Наука, 1911. 313 с.
3. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. 393 с.
4. Ридль Р. Расщепление картины мира. Биологические основы объяснения и понимания // Современные теории познания / под ред. Л.А. Бобровой, Л.Т. Мордвинцевой, А.И. Панченко. М.: ИНИОН, 1992. С. 130–141.
5. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. Врожденные структуры познания в контексте био-

логии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. М., 1998. 255 с.

6. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М.: Новое литературное обозрение. 2010. 392 с.
7. Bertalanffy L. von. General System Theory: Foundations, Development, Applications. N.Y.: Braziller, 1968. 296 p.
8. Skagestad P. Taking Evolution Seriously: Critical Comments on D.T. Campbells Evolutionary Epistemology // The Monist. 1978. Vol. 61, № 4. P. 611–621.

Получено 28.01.2016

References

1. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Minsk, Literatura Publ., 1998, 959 p. (In Russian).
2. Lamark Zh.B. *Filosofiya zoologii* [Zoology Philosophy]. Moscow, Nauka Publ., 1911, 313 p. (In Russian).
3. Lorents K. *Oborotnaya storona zerkala* [The reverse side of the mirror]. Moscow, Respublika Publ., 1998, 393 p. (In Russian).
4. Ridl R. [Splitting worldview. Biological basis of explanation and understanding]. *Sovremennye teorii poznaniya* [Modern Theory of Knowledge]. Moscow, INION Publ., 1992, pp. 130–141. (In Russian).
5. Follmer G. *Evoljucionnaya teoriya poznaniya. Vrozhdennye struktury poznaniya v kontekste biologii, psikhologii, lingvistiki, filosofii i teorii nauki* [Evolutionary theory of knowledge. Congenital structure of knowledge in the context of biology, psychology, linguistics, philosophy and theory of science]. Moscow, 1998, 255 p. (In Russian).
6. Sheffer Zh.-M. *Konets chelovecheskoj isklyuchitelnosti* [Ending of human uniqueness]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, 392 p. (In Russian).
7. Bertalanffy L. von. General System Theory: Foundations, Development, Applications. N.Y.: Braziller, 1968, 296 p. (In English).
8. Skagestad P. Taking Evolution Seriously: Critical Comments on D.T. Campbells Evolutionary Epistemology. *The Monist*. 1978, vol. 61, no. 4, p. 611–621. (In English).

The date of the manuscript receipt 28.01.2016

Об авторе

Данакари Лилия Ричарди

кандидат философских наук, доцент кафедры
общих гуманитарных и математических дисциплин

Международный славянский институт
(Волгоградский филиал),
400001, Россия, Волгоград, ул. Академическая, 22;
e-mail: liliya.danakari@ya.ru

About the author

Danakari Liliya Richardi

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
of the Department of General Humanitarian
and Mathematical Disciplines

International Slavonic Institute (Volgograd branch),
22, Academicheskaya str., Volgograd, 400001, Russia;
e-mail: liliya.danakari@ya.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Данакари Л.Р. Эволюционная эпистемология об эволюционно-биологических предпосылках познания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 27–35. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-27-35

Please cite this article in English as:

Danakari L.R. Evolutionary epistemology of evolutionary-biological preconditions knowledge // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 27–35. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-27-35